

Александр ВАБИЩЕВИЧ,
кандидат исторических наук

УДОБНОЕ ПОЛЕ ДЛЯ ВОЕННЫХ СЛУЧАЙНОСТЕЙ

Воссоединение западнобелорусских земель осенью 1939 года

Начавшийся 17 сентября 1939 года поход Красной армии в Западную Белоруссию и Западную Украину до сих пор оценивается крайне противоречиво. Восторженные оценки советского времени сегодня сочетаются с давними штампами западной литературы об «аннексии Восточной Польши» (эту позицию обычно разделяют авторы, далёкие от проблематики 1939 года, — таковы, например, голословные суждения известного российского специалиста по XIX веку А. И. Миллера¹). Среди прочего утверждается, что советские войска реализовали агрессивные планы сталинского руководства, а освободительный характер военной кампании Красной армии отвергается напрочь. Так что же всё-таки произошло в Западной Белоруссии в те осенние дни 1939 года?

Согласно секретному дополнительному протоколу к советско-германскому договору о ненападении от 23 августа 1939 года, западнобелорусские и западноукраинские земли, входящие в состав Польши, отходили к советской сфере влияния. Хотя для «верхов» фашистской Германии вопрос о предстоящем нападении на Польшу был давно решён, в тексте документа зафиксирована неопределённость относительно судьбы Польского государства. «Вопрос, является ли в обоюдных интересах желательным сохранение независимого Польского государства и каковы будут границы этого государства, может быть окончательно выяснен только в течение дальнейшего

политического развития. Во всяком случае, оба Правительства будут решать этот вопрос в порядке дружественного обоюдного согласия»².

Парад войск Белорусского особого военного округа в честь присоединения Западной Белоруссии к СССР. 1939 г. Фотограф В. А. Тёмин. РГАСОФД.

политического развития. Во всяком случае, оба Правительства будут решать этот вопрос в порядке дружественного обоюдного согласия»².

Как известно, дальнейшие события развивались стремительно. 1 сентября 1939 года гитлеровские войска ударили по Польше, положив начало Второй мировой войне. Несмотря на объявления 3 сентября войны Германии, Англии и Франции не оказали реальной помощи сражающейся Польше. На Западном фронте развернулась «странная война». Польская армия и гражданское население оказывали героическое сопротивление захватчикам, однако войска вермахта быстро продвигались в

глубь страны. 7 сентября немецкие соединения вышли к реке Нарев, 8 сентября — к окраинам Варшавы, 15 сентября взяли Люблин и подошли к Бресту. Обороной Брестской крепости от войск генерала Гудериана в 1939-м командовал 49-летний польский генерал Константы Плисовский, попавший затем в советские лагеря и расстрелянный весной 1940 года. После трёх дней упорной борьбы защитники крепости вынуждены были к концу 17 сентября оставить свои рубежи. Около двух недель оборонялась Гдыня, 20 дней продолжалась мужественная защита Варшавы. Однако силы были неравны.

В целом к середине сентября гитлеровские армии оккупировали всю Западную и Центральную Польшу, форсировали реки Нарев, Висла, Сан, в отдельных местах Буг. Армейские колонны и потоки беженцев в беспорядке двигались на восток и юго-восток. Польское правительство и военное командование переместились в юго-восточную часть, готовы в случае необходимости перейти на территорию Румынии.

Сложившаяся ситуация непосредственно затронула геополитические интересы СССР. Берлин стремился подтолкнуть Советский Союз к участию в военных действиях против Польши. Уже 3 сентября министр иностранных дел Германии фон Риббентроп через немецкого посла в Москве передал наркомому иностранных дел Молотову: желательнее, чтобы СССР ввёл войска в «советскую сферу интересов и сам занял эту территорию». 5 сентября Молотов ответил, что «это время ещё не наступило» и немцам следует соблюдать установленную демаркационную линию. 10 сентября немецкому послу фон Шуленбургу было заявлено, что для подготовки к вооружённой кампании Красной армии потребуется несколько недель. Желая форсировать вступление СССР в войну, Берлин в последующих посланиях (11 и 15 сентября) шантажировал Москву угрозой создания буферных государств в советской сфере влияния. Наконец, 16 сентября Молотов заверил германскую сторону, что советские войска выступят в «течение ближайших нескольких дней».

Военные приготовления Красной армии начались ещё в начале сентября 1939 года. Была проведена частичная мобилизация, в боевую готовность были приведены семь военных округов. Были сформированы Украинский и Белорусский фронты — к 17 сентября они

насчитывали около 466 тысяч солдат и офицеров. Позже это число увеличилось за счёт прибывающих с востока частей и соединений, которые поддерживали 4 тысячи танков и 2 тысячи самолётов. В подчинении командующего Белорусским фронтом командарма 2-го ранга Михаила Прокофьевича Ковалёва (1897–1967) находилось четыре армии, кавалерийская механизированная группа, отдельный стрелковый корпус и другие единицы (примерно 201 тысяча человек). Именно этим соединениям предстояло действовать на территории Западной Белоруссии. Им противостояло около 45 тысяч польских солдат и офицеров. На северном крыле Белорусского фронта дислоцировалась 3-я армия (Витебская армейская группа), которая должна была наступать на Вильню и занять Виленцину. 11-я армия (Ле-

Митинг во Львове у памятника Адаму Мицкевичу. Сентябрь 1939 г. Фотограф Н. Е. Киселёв. РГАСФД.

пельская армейская группа) планировала выйти к Гродно, а кавалерийская механизированная (Дзержинская) группа — к Новогрудку, Волковыску, Белостоку. 4-я армия была нацелена на Кобрин, Брест. Днепровской военной флотилии предстояло поддерживать продвижение вдоль реки Припять 23-го отдельного стрелкового корпуса. 10-я армия приступила к боевым действиям уже после начала похода.

В качестве основного мотива вступления войск в Польшу советской пропагандой подавалась действительно гуманная цель: защита национальных интересов местного населения в условиях неизбежного военного поражения Польши и возможной оккупации этих

земель немецко-фашистскими армиями. К тому же это позволило бы восстановить нарушенную Рижским миром 1921 года историческую справедливость и утвердить неотъемлемое право разьединённых частей белорусского и украинского народа жить вместе. Однако сталинское руководство злоупотребило этими аргументами, прикрывая куда более масштабные геополитические, военно-политические, экономические и другие интересы. Среди прочего осенью 1939 года представилась возможность отрепетировать последующие включения в сферу влияния СССР прибалтийских государств и Бессарабии. «Воссоединение в единую семью советских народов» строго контролировалось и направлялось из Кремля, о чём свидетельствуют решения Политбюро ЦК ВКП(б) сентября–начала октября 1939 года.

Накануне наступления, 16 сентября

Бывший польский полицейский участок в городе Молодечно. Сентябрь 1939 г. Фотограф В. А. Тёмин. РГАКФД.

Грузовики с советскими солдатами следуют по улице города Вильно. Сентябрь 1939 г. Фотограф В. А. Тёмин. РГАКФД.

1939 года, в Смоленске была принята директива Военного совета Белорусского фронта, в которой излагались первоочередные задачи после занятия западнобелорусских городов, местечек, деревень: создание временных управлений (в составе армейского политработника (руководитель), представителя НКВД, рабочего и представителя левой интеллигенции), организация типографий, издание газет на белорусском и других языках, налаживание бытового и продовольственного обеспечения, создание крестьянских комитетов (из бедняков и середняков), созыв народных собраний Западной Украины и Западной Белоруссии. Примечательно такое указание: «Никаких колхозов сразу не организовывать и не призывать к их созданию»³.

Солдатам и офицерам Белорусского и Украинского фронтов разъяснялось, что они должны занять территорию Западной Белоруссии и Западной Украины, взяв под свою защиту жизнь и имущество местного населения. В обращении военных советов фронтов отмечалось, что советские воины идут туда «не как завоеватели, а как освободители... украинских и белорусских братья-

ев... от всякого гнёта и эксплуатации, от власти помещиков и капиталистов».

Именно в таком духе выдержана и нота советского правительства, вручённая польскому послу в Москве Вацлаву Гжибовскому в ночь на 17 сентября. «Польша превратилась в удобное поле для военных случайностей и неожиданностей, могущих создать угрозу для СССР. Поэтому, будучи доселе нейтральным, Советское правительство не может более нейтрально относиться к этим фактам». Исходя из этого, Красной армии отдан приказ перейти границу и взять «под защиту жизнь и имущество» западноукраинского и западнобелорусского населения. Однако польский посол не принял ноту. Приведённые аргументы он назвал не выдерживающими критики. «Суверенность государства, — заявил он, — существует до тех пор, пока сражаются солдаты регулярной армии»⁴. Одновременно послам всех других стран было сообщено совершенно обратное: СССР продолжает сохранять нейтралитет в войне. Упомянутая мотивировка вступления Красной армии в Западную Белоруссию была повторена Молотовым в выступлении по радио утром 17 сентября.

Значительного сопротивления со стороны польских войск Красная армия не получила. Во многом польские силы были дезориентированы приказом главнокомандующего Эдварда Рыдз-Смиглы от 17 сентября (он дошёл до соединений с опозданием, некоторые его вообще не получили): «С Советами в бои не вступать, только в случае наступления с их стороны или в случае попыток разоружения наших частей. Города, к которым подошли Советы, должны с ними вести переговоры с целью вывести гарнизоны в Румынию и Венгрию». Польское правительство и военное командование выехали за пределы страны. В своём последнем приказе, изданном уже с румынской территории 20 сентября, Рыдз-Смиглы мотивировал отказ от боевых действий стремлением уберечь от бессмысленного кровопролития в борьбе с большевиками и спасти уцелевшие силы для вывода за границу. Советская сторона призвала воинов польского войска сложить оружие.

Лейтенант И. А. Фалькович беседует с жителями Гариополя. Сентябрь 1939 г. Фотограф Цидильковский. РГАКФД.

«Мы идём к вам не как захватчики, а как ваши братья по классу, ваши освободители от угнетения помещиков и капиталистов, — утверждалось в разбрасываемых на польском языке листовках. — ...Переходите на сторону Красной армии. Вам обеспечена свобода и счастливая жизнь»⁵.

Советские войска продвигались быстро. Местами им помогало местное население, действовали партизанские группы. Уже к 17 сентября были заняты Барановичи, Молодечно, 18-го — Слоним, Новогрудок, Лиду, Волковыск, 19-го — после двухчасового боя Вильно, а также Пружаны, Кобрин, 20-го — после двухдневного сражения Гродно, 21-го — Пинск, 22 сентября — Брест, Белосток. Значительная часть польских частей сдавалась без боя. Однако были и упорные бои между советскими и польскими подразделениями. Особенно стойко держались бойцы польского Корпуса охраны пограничья. Кроме Вильно и Гродно, очаги сопротивления наблюдались на север от Столбцов, в Новогрудке, Скиделе. Однако советским войскам было запрещено бомбить и обстреливать из орудий населённые пункты. В целом потери соединений Бе-

Механик-водитель танка комсомолец А. Мецержков, отличившийся во время освободительного похода в Западную Белоруссию. Сентябрь 1939 г. РГАКФД.

лорусского фронта составили 996 человек убитыми, 2002 — ранеными».

Указания относительно дальнейшей судьбы польских солдат и офицеров излагались в изданном 21 сентября приказе командующего Белорусским фронтом Ковалёва: «...3. Всех офицеров польской армии считать как военнопленных и направлять их в лагерь военнопленных на территории СССР. Всех солдат бывшей польской армии, оставивших свои части и являющихся жителями данных местностей, занятых работой в своих хозяйствах или же на производстве — взять на учёт. 4. Офицеров и солдат, подлежа-

щих отправке в лагерь военнопленных, органам НКВД не сдавать, а направлять в лагерь военнопленных в пункты, указанные в моём приказе №... от 20 сентября. 5. Всех солдат бывшей польской армии, шатающихся по городам, сёлам и лесам, независимо — участвовал ли он в борьбе против частей Красной Армии и взят с оружием или без оружия — также направлять в лагерь военнопленных»⁷. Органы НКВД организовали на белорусской территории пять пунктов приёма пленных вдоль бывшей советско-польской границы. Оттуда их развозили в лагерь военнопленных (в Путивль, Козельск, Старобельск, Осташково, Южу, Козьи горы (Катынь)). По одним данным, в период с 17 сентября по 2 октября в таких пунктах Белорусского фронта заре-

гистрировано 39330 пленных (другие источники свидетельствуют, что во время операции войска Белорусского фронта до 30 сентября захватили в плен и разоружили 60202 польских воинов, Украинского фронта — 59819)⁸. Им предстояло испытать все тяготы лагерной жизни, часть из них (особенно офицеры) была физически уничтожена в 1940-м.

Сентябрьский поход Красной армии в Западную Белоруссию фактически предопределил решение вопроса о польской государственности. Правда, в совместном советско-германском правительственном заявлении от 18 сентября 1939 года говорилось о «восстановлении мира и порядка (в Польше)», «помощи польскому населению для создания условий своего политического существования». 22 сентября был подписан документ о демаркационной линии по рекам Писа, Нарев, Буг. На следующий день в Бресте состоялся совместный советско-германский военный парад. Как вспоминал Гулериан, «наше пребывание в Бресте закончилось прощальным парадом и церемонией с обменом флагами в присутствии комбрига Кривошеина...»⁹. 25 сентября посол фон Шуленбург сообщил в Берлин, что Сталин поставил под сомнение сохранение Польского государства и предложил включить в советскую сферу влияния Литву взамен на Люблинское и часть Варшавского воеводства. 28 сентября немецкие войска взяли Варшаву. II Речь Посполитая как государство прекратила существование.

В тот же день, 28 сентября 1939 года, в Москве был подписан договор о дружбе и границе между фашистской Германией и СССР, по которому территория Польши была разделена. Значительная часть польских земель была присоединена непосредственно к Германии, вторая — вошла в так называемое Варшавское генерал-губернаторство. За СССР были признаны Западная Белоруссия и Западная Украина. В одном из секретных дополнительных протоколов отмечалось, что «обе стороны не допустят на своих территориях никакой польской агитации, которая действует на территории другой страны»¹⁰.

Реакция на вступление Красной армии в Западную Белоруссию со стороны местного населения не была однозначной. Значительная часть (преимущественно белорусы) встречала красноармейцев как своих освободителей с хлебом-солью, цветами, красными флагами. И такая эмоциональная реакция не была случайной. В отношении бело-

русов и другого непольского населения властями Польши проводилась в 1920–1930-е годы политика насильственной колонизации и ассимиляции. Красноречивым свидетельством этого являлось то, что накануне сентября 1939 года в пределах Польши не осталось ни одной белорусской начальной школы. А ведь к началу 1920-х годов их насчитывалось более 500. Ставился вопрос о закрытии единственной уцелевшей белорусской гимназии (как филиала польской) в Вильно.

С середины 1930-х годов польская администрация разрабатывала амбициозные планы и предпринимала практические действия по ускорению национально-культурной ассимиляции западнобелорусского населения. В частности, эксперт МВД Польши В. Орницкий в секретном докладе предлагал для обеспечения перевеса польского населения на «кресах восточных» («восточных окраинах»), так поляки называли Западную Украину и Западную Белоруссию) переселить с запада на восток и обратно около шести миллионов человек¹¹. Однако осуществить столь грандиозный колонизационный проект польским властям не

удалось. Тем не менее очередные меры по укреплению «польского господствующего положения» содержались в секретных записках в Варшаву полесского воеводы В. Костек-Бернацкого (февраль 1937 года), белостокского воеводы Г. Осташевского (23 июня 1939 года) и других чиновников. Организованное западнобелорусское национально-освободительное движение к этому времени было фактически разгромлено польскими властями, а ликвидация Исполкомом Коминтерна Коммунистической партии Западной Белоруссии (КПЗБ) в 1938-м существенно облегчила жизнь Варшаве. Таким образом, накануне сентябрьских событий 1939 года существовала реальная угроза потери местным белорусским населением своей национально-культурной самобытности. Ситуация усугублялась также социальным угнетением преимущественно безземельного и малоземельного белорусского крестьянства.

Боевые товарищи принимают в члены ВКП(б) танкиста А. Е. Черникова, отличившегося во время освободительного похода в Западную Белоруссию. Сентябрь 1939 г. РГАНФД.

Безусловно, белорусы не желали и дальше мириться с национальной дискриминацией и социальным угнетением. Поэтому во многих городах и сёлах проходили митинги, участники которых приветствовали приход советских войск и требовали воссоединения Западной Белоруссии с советскими республиками. Под руководством активистов бывшей КПЗБ и с участием представителей Красной армии создавались временные управления в городах, которые образовывались «для руководства административной, хозяйственной и культурно-просветительской деятельностью»¹². Крестьянские комитеты делили помещичью землю среди безземельных и малоземельных крестьян, которые получили 431 тысячу гектаров земли. Им также было передано 14 тысяч лошадей и 33 тысячи коров.

В польской части общества наступление Красной армии вызвало в основном негативную и даже враждебную реакцию. Это было естественно в условиях, когда с политической карты Европы исчезла целая страна, когда были грубо ущемлены национальные чувства польского народа. С осени 1939 года

Красные кавалеристы в освобождённой Белоруссии. Сентябрь 1939 г.

начали создаваться подпольные польские организации — Союз вооружённой борьбы, Союз польских патриотов и другие, основной целью которых было возрождение Польши в границах до сентября 1939 года.

Отношение к новым властям зависело не только от национального, но и от социального состава населения Западной Белоруссии. Большинство здесь составляли сельские жители. Аграрные реформы, проводимые польскими правительствами в межвоенный период (парцелляция — продажа части помещичьих и государственных земель, камасация (хуторизация), насаждение осадничества), не ликвидировав помещичье землевладение, привели к увеличению доли бедняков среди крестьян до 80 процентов. «Кресья» стали аграрным придатком центральных регионов Польши, источником сырья и дешёвой рабочей силы. Поэтому с приходом советских войск некоторая часть населения надеялась на изменение своего положения к лучшему. Однако зажиточные люди, зная (пока ещё понаслышке) о «прелестях» строительства социализма в СССР, опасались за личную безопасность, судьбу своих родственников и собственности.

Новым властям предстояло решить немало неотложных задач: разместить войска и беженцев, восстановить разрушенные жилые постройки и промышлен-

ленные объекты, наладить торговлю и быт, образование и здравоохранение. Хотя и была создана специальная комиссия по делам беженцев, но их положение на новой советско-германской границе оставалось сложным. Только в одном Бресте было около 22 тысяч беженцев, из них примерно 2 тысячи находились под открытым небом. Германская сторона принимала только немцев. Недавнее относительное изобилие промышленных и продовольственных товаров сменилось их нехваткой: «Теперь города и местечки имеют непривычный вид: почти все магазины пусты и закрыты. Всё более не хватает жиров, потому что крестьяне не привозят продукты из деревни, так как за советские рубли... не хотят продавать. Городское население продаёт остатки мебели, одежды и ценности и так ещё добывает продовольствие»¹³. О критическом состоянии торговли свидетельствуют и документы партийных органов. В докладной секретаря Столбцовского укома КП(б) в белорусский ЦК читаем: «За последнее время частная торговля значительно сократилась. Даже маленькие лавочки, находящиеся на базаре, в большинстве своём закрыты. Что касается кооперативных ларьков, то в них отсутствуют товары самой первой необходимости, за исключением хлеба ржаного, мяса и колбасы, ничего нет. Промтовары совершенно отсутствуют. Непрерывно растут цены на сельскохозяйственные продукты»¹⁴.

Случались и кражи, незаконное при-

своение имущества и даже мародёрство. Политуправление 4-й армии вынуждено было разослать телеграмму следующего содержания: «Секретно. Военкомам, начальникам политотделов и военкомам отдельных частей, председателям временных управлений. Категорически запрещается брать у населения что-либо из продуктов питания, фураж и прочее под расписки. При покупках производить расчёт только наличными деньгами. Установить и предать суду виновных, нарушающих такой порядок»¹⁵. Тем не менее подобные факты наблюдались и после этой директивы.

Из восточных областей БССР и других союзных республик в Западную Белоруссию спешно направлялись кадры: 1500 человек на партийную, 1200 — на комсомольскую, советскую и другую работу. Немало сотрудников командировало НКВД. Большинство из них не знали местного уклада жизни, обычаев, особенностей языка, поэтому и не пользовались доверием населения. «Восточники» — так их окрестили в народе. Ключевые посты в партийных органах, НКВД занимали преимущественно «восточники». В целом кадровая политика в этом регионе «хромала», что показало специальное постановление ЦК КП(б) в октябре 1940 года: «Различного рода хозяйственные, кооперативные и другие организации стали направлять работников в западные области на самые незначительные должности, вплоть до кладовщиков, продавцов и уборщиков. В целом ряде случаев посылку стали производить без необходимой проверки и изучения посылаемых в западные области, благодаря чему начали проникать жулики и проходимцы, дискредитирующие там Советскую власть»¹⁶. Массированное направление специалистов в западные области объяснялось тотальным недоверием к местному населению, особенно к полякам.

Законотворческое закрепление перемены осуществлялось путём выборов в Народное собрание, которое затем принимало все необходимые новой власти решения. Раньше утверждалось, что 5 октября 1939 года временное управление Белостока обратилось ко всем временным управлениям западнобелорусских городов с предложением о создании комитета по организации выборов. Однако решение о созыве собрания ещё раньше было утверждено в Москве. 1 октября Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление «Вопросы Западной Украины и Западной Белоруссии», которое было обсуждено на следующий

день в Минске на заседании Бюро ЦК КП(б)Б. Было решено созвать 4 октября в западнорусском городе Волковыске совещание председателей временных управлений «для ознакомления с решением ЦК ВКП(б)». А в Белостоке фактически продублировали решение центра. «Население Западной Белоруссии полно решимости на основе Ленино-Сталинской национальной политики вместе с всем советским народом, вместе с трудящимися Советской Белоруссии строить новую, светлую, радостную жизнь под солнцем Сталинской Конституции, — отмечалось в обращении Белостокского временного управления. — В великом Советском Союзе трудящиеся Западной Белоруссии видят свою социалистическую родину, своё отечество»¹⁷.

Повсеместно были созданы избирательные комиссии, происходило выдвижение кандидатов в депутаты. Однако процесс волеизъявления проходил под строгим контролем. Изначально была исключена альтернативность — по каждому округу выдвигался только один кандидат. За настроениями в обществе зорко следили органы НКВД. Приведём выдержку из спецсводки «О ходе

работы по подготовке к выборам в Народное собрание Западной Белоруссии» с грифом «Совершенно секретно». Она была подготовлена начальником оперативно-чекистской группы под номером 3 полковником Мисюревым в Новогрудке для наркома внутренних дел БССР Лаврентия Фомича Цанавы. «Столпецкая (правильно: Столбцовская. — А. В.) оперативно-чекистская группа сообщает, что по волости Столпецкого уезда собрания избирателей с вопросом обсуждения кандидатур, назначенных в депутаты Народного собрания Западной Белоруссии, проходит с большим подъёмом и проявлением большой активности избирателей (из оперсводки за 16–17.X.39 г.). Несвижская оперативная группа сообщает, что принята за 16 октября агентура фиксирует о большой активности беднейших слоёв населения в подготовке к выборам и о здоровом их настроении к вопросам, которые должно разрешить Народное собрание (из оперсводки за

18.X.39 г.). Клецкая оперативно-чекистская группа сообщает, что настроения среди населения хорошее... Избирательные участки хорошо оформляются. Для работы по оформлению привлечена молодёжь. Последняя всё своё искусство направляет к тому, чтобы лучше оформить портреты тов. Сталина.

Собрания проходят с большим подъёмом и воодушевлением (из оперсводки Клецкой оперативно-чекистской группы от 17 октября 1939 г.).

В том же документе есть сведения об «активизации контрреволюционного элемента» во время подготовки к выборам, антисоветской агитации. «Среди населения распространяются провокационные слухи о возврате польской армии, о восстановлении польского государства и якобы оказываемой в этом деле помощи со стороны Франции и Англии. Источник «Нутром» 17.X. сообщает, что житель хутора Жучки Балицкой волости, бывший полицейский Бурдей Павел ведёт активную агитацию против выборов в Народное собрание, заявляя при этом: «Не надо голосовать за установление Советской власти, потому что придут поляки. Союзники Польши — Англия и Франция — требу-

Крестьянин И. А. Прендота со своей семьёй у сожжённой белополяками хаты в селе Рудники Станиславского воеводства. Сентябрь 1939 г. Фотограф Н. Е. Козак. РГАКФД.

ют от России, чтобы польское государство было восстановлено. В связи с этим Россия и спешит провести выборы, как будто сами рабочие и крестьяне пожелали установления Советской власти и присоединения Западной Белоруссии к Советской Белоруссии...» Источник «Лева» от 16.Х. сообщает, что он встретил гр. Шуцко из местечка Ивье, который рассказывал ему о том, что учителя Ивьевской школы Лерох и Зорко ведут агитацию против выборов, ездят по деревням и агитируют, чтобы не голосовали за евреев и за присоединение Западной Белоруссии к Советской Белоруссии...»¹⁸

Иногда на предвыборных собраниях и митингах люди высказывались о наболевшем вслух. Вопреки установкам временных управлений, подчас выдвигались свои или отклонялись предложенные кандидатуры. «Воложинская оперативно-чекистская группа сообщает: «За эти дни имелись следующие отрицательные явления: 1) в волостном местечке Воляма 14 октября на предвыборном собрании был выдвинут кандидатом в депутаты Народного собрания кулак Сазонович Арсений. Последний до 1926 г. занимался контрабандой. Кандидатура отведена...Кулак Кублик из д. Яшивичи выступал против выставленного кандидата из бедняков, заявлял: «Нам не нужны бедняки и безземельные, они не могут жить и работать и нас не будут отставать на Всенародном Белорусском собрании...» В Столпецкой волости на всех трёх избирательных участках были провалены кандидатуры, намеченные временными управлениями...»¹⁹

Хотя перед выборами массовые аресты пока ещё не были, однако репрессивный аппарат постепенно разворачивал свою деятельность. Правда, с его «результатами» западнобелорусское общество сталкивалось и раньше. В 1933 году группа видных деятелей западнобелорусского национально-освободительного движения (Семён Рак-Михайловский, Игнат Дворчанин и другие) была привлечена к сфабрикованному ОГПУ делу «Белорусского национального центра». Жертвой сталинизма стал также лидер Белорусской

Военный лётчик капитан В. Н. Чернышёв, отличившийся во время освободительного похода. Сентябрь 1939 г. РГАСФД.

крестьянско-рабочей Громады Бронислав Тарашкевич. Репрессиям и гонениям подвергались тысячи членов распушенной КПЗБ. Накануне вступления Красной армии, 15 сентября 1939 года, на совещании в НКВД БССР были составлены пространные списки потенциальных противников советской власти, которых следовало арестовать. Среди них — представители польской администрации, интеллигенции, лидеры и активисты западнобелорусских политических партий и организаций²⁰.

В первые дни после вхождения советских войск в города и местечка начали создавать милицию для «охраны революционного порядка и борьбы с уголовно-преступными элементами» и рабочую гвардию «из людей, исключительно проверенных и преданных». Вначале репрессивные меры были обрушены на польских чиновников, полицейских, военнослужащих. Вскоре жертвами органов НКВД стали известные представители белорусской национальной интеллигенции в Вильно —

А. Луцкевич, А. Власов, В. Самоило и другие. Изданный НКВД 11 октября 1939 года приказ № 001223 о неотложной организации учёта «контрреволюционных элементов и вражеских категорий лиц, независимо от конкретных данных об антисоветской деятельности» и их депортации, придал репрессиям широкий размах.

В ходе подготовки к выборам белорусской общественности был преподнесён сюрприз. По советско-литовскому договору от 10 октября 1939 года Вильно и Виленщина передавались Литве взамен на размещение на территории этой страны советских гарнизонов и военных баз. В самом Вильно об этом ничего не знали. 8 октября там был объявлен порядок выборов в Народное собрание Западной Белоруссии. Там выходила главная советская газета для западнобелорусских земель, а также «Вильнская праўда» на белорусском языке.

Именно Вильно был основным центром политического, культурного развития Западной Белоруссии и межвоенное время. Город был тесно связан с многовековой историей и культурой белорусского народа. Вильно был столицей политэтнического Великого княжества Литовского, наследие которого по праву принадлежит как литовцам, так и белорусам. Безусловно, передача Вильно была болезненно воспринята белорусами и поляками. Однако сама форма передачи Вильно, где проживало менее 2 процентов литовцев, фактически сводила на нет её гуманную сущность. Очевидны были явно политические мотивы этого «сталинского подарка» для литовцев. Это не скрывал и Молотов в своём выступлении на сессии Верховного Совета СССР 31 октября 1939 года: «СССР пошёл на передачу города Вильно Литовской Республике не потому, что в нём имеет перевес литовское население. Советское правительство считалось с тем, что город Вильно, который Польша силой оторвала от Литвы, должен принадлежать Литве как город, с которым, с одной стороны, связано историческое прошлое, а с другой стороны, чтобы исполнить надежды литовцев». Таким образом, без учёта наци-

онального состава населения, интересов белорусов и других народов был решён вопрос о передаче Виленщины. В свете грядущих геополитических изменений в Прибалтике явно неискренними являлись следующие слова советского наркома: «В заграничной прессе говорилось, что история мира не знала такого ещё случая, чтобы великое государство добровольно отдало малому государству такой большой город. Тем отчётливей это свидетельствует о доброй воле Советского государства»²¹.

Выборы в Народное собрание Западной Белоруссии состоялись 22 октября 1939 года и прошли в полном соответствии с намеченным сценарием. Не прошло и недели, как 28 октября в Белостоке новый представительный орган начал заседать. Исходя из воли и желания большинства населения региона, делегаты единогласно приняли декларацию о провозглашении советской власти на всей территории Западной Белоруссии, о конфискации помещичьих земель и национализации банков и крупной промышленности. Собрание ходатайствовало перед Верховным Советом СССР и Верховным Советом БССР о принятии Западной Белоруссии в состав Советского Союза и БССР. Чтобы передать именно это решение собрания, избранная полномочная комиссия из 60 делегатов отправилась сначала в Москву, а потом в Минск. Верховный Совет СССР, заслушав 2 ноября заявление полномочной комиссии Народного собрания, постановил удовлетворить его просьбу и включить Западную Белоруссию в состав СССР с воссоединением её с БССР. 14 ноября внеочередная III сессия Верховного Совета БССР приветствовала это решение и приняла закон: «Принять Западную Белоруссию в состав Белорусской Советской Социалистической Республики и воссоединить тем самым великий белорусский народ в едином Белорусском государстве».

Несомненно, что воссоединение Западной Белоруссии с БССР было актом исторической справедливости. Белорусские земли и белорусский народ, разорванные на две части после Рижского мирного договора от 18 марта 1921 года, восстановили свою целостность. Однако далеко не все надежды на лучшую жизнь оправдались. Западнобелорусское общество очень скоро столкнулось с реалиями сталинского режима, в том числе депортациями и арестами. К тому же новые преобразования в советском духе вскоре были прерваны новой войной...

2. Брест

Белорус, отслуживший в 1930-е гг. в польской армии.

Публикация подготовлена в рамках совместного конкурса РГНФ–БРФФИ (проект «Белорусские земли между Россией и Польшей в XIX–XX столетиях: национально-культурные и общественно-политические факторы исторического развития»)

Примечания

1. Западные окраины Российской империи. М. 2006. С. 764.
2. Złowa. IV rozdział Polski. Warszawa. 1990 S. 133.
3. Gryfita: Białostocki magazyn historyczny. 1998. № 1–2. S. 35.
4. Złowa... S. 135–136.
5. Ibid. S. 5, 169.
6. Гриф секретности снят. Потери Вооружённых сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. М. 1993. С. 86.
7. Государственный архив Брестской области (далее ГАБО). Ф. 292. Оп. 1. Д. 1а. Л. 1–2.

8. Spoleczeństwo białoruskie, litewskie i polskie na ziemiach północno-wschodnich II Rzeczypospolitej (Białoruś Zachodnia i Litwa Wschodnia) w latach 1939–1941. Warszawa. 1995. S. 97; Проблемы узрядання Заходняй Беларусі з БССР: Гісторыя і сучаснасць: Матэрыялы міжнароднай навукова-гтарэтычнай канферэнцыі, 17–18 верасня 1999 г. Мінск. 2000. С. 124.
9. Гудерян Г. Воспоминания солдата. Смоленск. 1998. С. 113.
10. Złowa... S. 161.
11. Białoruskie zeszyty historyczne. Białystok. 2002. S. 128–130.

12. ГАБО. Ф. 292. Оп. 1. Д. 1. Л. 3.
13. Armia Krajowa w dokumentach 1939–1945. T. 1: Wrzesień 1939 — czerwiec 1941. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź. 1990. S. 175.
14. ГАБО. Ф. 7580. Оп. 1. Д. 27. Л. 63–64.
15. Там же. Ф. 292. Оп. 1. Д. 1а. Л. 4.
16. Назаркевіч разам: Да 60-годдзя уз'яднання Заходняй Беларусі з БССР. Мінск. 1999. С. 104.
17. ГАБО. Ф. 292. Оп. 1. Д. 9. Л. 1.
18. Там же. Ф. 7580. Оп. 1. Д. 26. Л. 4–6.
19. Там же. Л. 7. 10.
20. Беларускі гістарычны часопіс. 1994. № 1. С. 33.
21. Правда. 1939. 11 ноября.